

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРОБЛЕМ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): ОТ ДИСКУРСА «КАТАСТРОФЫ» К ПОИСКУ РЕШЕНИЙ

Екатерина Михайловна Арутюнова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

981504@mail.ru,

ORCID 0000-0002-9002-1491

Для цитирования: Арутюнова Е. М. Динамика восприятия языковых проблем в Республике Саха (Якутия): от дискурса «катастрофы» к поиску решений // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 129–145. DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.7. EDN DAZCWW.

Аннотация. В статье на основе глубинных и экспертных интервью, проведённых автором в Республике Саха (Якутия) в 2019–2025 гг., анализируется динамика общественного восприятия языковой ситуации. Особое внимание уделяется трансформации дискурса о состоянии якутского языка в контексте федеральной языковой политики, урбанизации и цифровизации. Языковую тематику автор анализирует в контексте этнокультурной идентичности, в котором этнический язык представляется не только атрибутом народа, но и имеет огромное символическое значение для людей, разграничивая «мы» и «они». Показано, что в исследуемый период происходит эволюция восприятия: от доминирования эмоциональных нарративов «катастрофы» и «умирания» языка к более прагматичному и деятельностному подходу. Язык народа воспринимается как фундаментальная основа этнической, идентичности, а его возможная утрата переживается как личная и культурная трагедия. Это порождает стигматизацию саха-якутов, не владеющих родным языком, и может создавать внутреннюю напряжённость в сообществе. Выявлено, что ключевыми причинами беспокойства информанты называют разрыв межпоколенной передачи языка из-за урбанизации; доминирование русского языка в цифровой среде, образовании и карьерной перспективе; дефицит доступных якутоязычных групп и классов в городах; неэффективность существующих методик преподавания. Вместе с тем сделан вывод о том, что в последние годы дискурс смещается от пассивного поиска внешних виновников к осознанию личной и семейной ответственности за сохранение языка. Это сопровождается ростом низовых инициатив (создание современного контента, языковых приложений) и усилением роли креативных индустрий, которые формируют позитивный образ будущего, где якутский язык выступает ресурсом самореализации, а не только объектом охраны.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), этнический язык, этническая идентичность, дискурс, языковая ситуация, языковая политика, социология языка, язык и общество

Введение

Проблемы функционирования и развития этнических языков в современном мире приобретают особую остроту в контексте глобализации, массовых миграций и стремительной цифровизации, которые унифицируют культурные и языковые пространства. Для России, как общества исторического этнокультурного и языкового многообразия, проблема сохранения и поддержки языков народов страны является не только образовательной или культурной, но и становится важной составляющей государственной национальной политики, фактором обеспечения межнационального и гражданского согласия. Дискуссии о статусе языков, об обязательности или добровольности их изучения, о балансе между русским языком как государственным для всей страны и государственными языками республик не утихают на протяжении последних десятилетий, периодически обостряясь в связи с изменениями в законодательстве или резонансными общественными событиями.

В этом контексте Республика Саха (Якутия) представляет собой уникальный регион. С одной стороны, это республика с высоким уровнем этнической идентичности народа, дающего название республике (саха)¹ и относительно благополучной демографической и языковой ситуацией, где якутский язык сохраняет широкие функции в сельской местности и обладает статусом государственного. С другой стороны, Якутия, и особенно её столица – город Якутск, испытывает мощное воздействие универсальных для всей страны факторов – урбанизации, медиа и цифровой среды, доминирования государственного – русского – языка в образовании, а также влияния федерального языкового законодательства, вектор которого в последние годы направлен на централизацию и унификацию [2]. Сочетание этих факторов создаёт сложную, динамичную и во многом противоречивую языковую реальность.

Языковая проблематика рассматривается автором в связке с этнической идентичностью личности и общности. Язык выполняет несколько важнейших функций, например, коммуникативную, познавательную, функцию хранения и передачи опыта. В контексте этнической идентичности на первый план выходят этноконсолидирующая [3], символическая [4], этнодифференцирующая [5]. Существенным для анализа в статье также является подход М. Биллига [6], согласно которому язык выступает идеологической конструкцией национального самосознания. Язык воспринимается как критически важный элемент для существования нации и её неотъемлемый признак (при этом нация трактуется преимущественно в этническом, но также и в гражданском ключе). Однако такое представление – во многом является конструктом, порождённым процессом нациестроительства. Этот процесс непрерывно разворачивается в повседневных и медийных дискурсах: он воспроизводит и укрепляет

---

¹ Например, в 2023 году 92% якутов в той или иной степени ощущали близость, единство с людьми своей национальности [1].

коллективное «мы» за счёт постоянного использования определённых речевых формул и обращения к чувствам.

Языковая политика: от регионального многообразия к федеральной унификации

Начиная с 2000-х гг., и особенно после 2010-х гг., федеральная языковая политика движется от принципов децентрализации и поддержки многообразия, характерных для 1990-х гг., к созданию единого, преимущественно русскоязычного, коммуникативного пространства. Ключевыми вехами стали ФЗ «О государственном языке РФ» (2005), отмена национально-регионального компонента в образовании (2007), а также поправки к ФЗ «Об образовании» (2018), вводящие добровольность изучения государственных языков республик, и поправка к Конституции Российской Федерации о «языке государствообразующего народа» (2020). Эти меры, по оценке исследователей, создают правовые и институциональные предпосылки для сужения функциональности языков народов РФ, включая якутский [2, с. 14].

Задаваясь вопросом, почему в РФ не удаётся сохранять языковое многообразие, К. Замятин констатирует наличие системного кризиса, затрагивающего, по его мнению, одновременно три уровня [7].

На политическом уровне наблюдается разрыв между символической политикой (декларациями о поддержке многообразия) и материальной политикой (реальными действиями). Государство, декларируя цель поддерживать многообразие, на практике проводит курс на унификацию и продвижение доминирующего языка, особенно в сфере образования, что создаёт структурные ограничения, которые нивелируют усилия снизу.

На институциональном уровне отсутствуют работающие механизмы реализации политики. Нет федеральной программы сохранения этнических языков, а республиканские программы, призванные заполнить этот вакуум, часто недостаточно финансируются и не имеют качественной научной поддержки. Происходит постепенный демонтаж институций (например, национально-регионального компонента в образовании), которые могли бы способствовать воспроизводству этнических языков.

На концептуальном уровне отсутствует адекватная междисциплинарная основа для решения задачи. В частности, в российской науке К. Замятин находит неразвитыми сразу два направления: исследование языковой политики как публичной политики, которое позволило бы грамотно выстраивать государственное управление в этой сфере, разрабатывать эффективные программы и оценивать их результаты; и изучение языковой ревитализации, которое могло бы вооружить активистов и педагогов проверенными методиками работы «на земле». В результате – замкнутый круг: власть, не имея качественной научной экспертизы, разрабатывает неэффективную политику, а наука, не получая адекватного запроса от власти и будучи концептуально разобщённой, не может предложить действенных решений.

Республика Саха (Якутия) сохраняет собственную развитую правовую базу (Конституция РС(Я), Закон «О языках...» 1992 г.), провозглашающую два государственных и пять официальных языков. Однако на практике возможности применения регионального законодательства ограничиваются федеральными нормами, и наиболее яркий пример – сфера судопроизводства, где использование якутского языка, несмотря на формальную возможность, практически полностью прекратилось из-за противоречий в федеральных законах, отсутствия финансирования и кадрового обеспечения, а также неформального давления [2, с. 19]. В сфере образования, в свою очередь, принцип добровольности, закреплённый федеральным законом, создал ситуацию неопределённости. Реализация права на обучение на этническом языке часто зависит не от закона, а от возможностей конкретной школы, позиции администрации и активности родителей, что порождает локальные конфликты и ощущение дефицита доступных мест, особенно в Якутске [8; 9].

Языковые практики: функциональный спад и символический подъём: проблема, методика и эмпирическая база исследования

Проблемная ситуация. Несмотря на все сложности, якутский язык укрепляет свою роль как главный маркер этнической идентичности. Данные репрезентативного опроса населения республики 2025 года фиксируют рост доли считающих якутский язык родным до 53%, а 7% респондентов называют родными сразу два языка¹. Результаты свидетельствуют о высокой символической значимости языка и формировании устойчивой билингвальной идентичности значительной части населения, особенно в городе, где язык всё чаще выступает именно символом, а не единственным инструментом коммуникации. В моноэтнических сельских районах и среди старшего поколения якутский язык сохраняет свои позиции как основное средство повседневного общения. Данные последовательно подтверждают, что сельская среда остаётся практически полностью сахаязычной, а языковая компетенция сельских жителей – наибольшей [8; 10]. Это ключевой ресурс витальности языка.

При этом в городской (всё разрастающейся) семейной среде есть и новые тревожные тенденции. Опрос² 2025 года фиксирует, что в общении с детьми русский язык (45%) уже обгоняет якутский (40%). Русский язык стал доминирующим для детей во всех сферах: в школе, со сверстниками, в цифровой среде (свыше 80%). Исследования молодёжи показывают снижение активного владения языком в городе и формирование группы «эритажников» [11] – людей, для

¹ Горохова М. Исследование языковой ситуации в Якутии: доля тех, кто считает язык народа саха родным, выросла // ЯСИА : сайт. 17 декабря 2025. URL: <https://ysia.ru/issledovanie-yazykovoj-situatsii-v-yakutii-dolya-teh-kto-schitaet-yazyk-naroda-saha-rodny-m-vyros-la/> (дата обращения: 20.04.2026).

² Там же

которых якутский является языком идентичности, но не свободного общения. Среди якутов, родившихся в Якутске, свободно владеют языком 46% [8, с. 464]. Это создаёт разрыв межпоколенной передачи языка, являющийся главной угрозой для его будущего.

В ответ на усиление федерального курса и растущий общественный запрос республика начинает использовать новые инструменты поддержки якутского языка, в частности, создание Центров детского чтения на родном языке, установление целевых показателей по доле национальной литературы в библиотеках (до 30–35%), введение республиканских проверочных работ по родным языкам (с 2025 г.)^{1,2}, – всё это попытки институционально поддержать языковую среду там, где она ослабевает. Важнейшим трендом становится поддержка креативных индустрий (Указ Главы РС(Я) о развитии креативной экономики, 2024 г.). Язык и культура начинают рассматриваться не только как объект сохранения, но и как ресурс экономического роста и самореализации молодёжи [9]. Успешные проекты в сфере кинопроизводства, музыки, IT-сфере, моде, создаваемые молодёжью и поддерживаемые государством, формируют позитивный образ будущего, в котором этничность и язык могут быть органично вписаны в современный мир. Это создаёт принципиально новую мотивацию для изучения и использования языка, особенно среди молодёжи, которая не реагирует на призывы языковых активистов «сохранять любой ценой», но откликается на возможность быть модным, успешным и современным, оставаясь при этом якутом.

Предмет, методика, эмпирическая база авторского исследования.

В представленном выше контексте восприятие сложной языковой реальности локальным сообществом на протяжении нескольких турбулентных лет автор определил *предметом* углублённого исследования. Анализ ориентирован на изучение восприятия ситуации с языком саха и не затрагивает гораздо более сложное положение с языками коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в регионе. Адекватным задачам исследования *методом* автор посчитал опрос экспертов. *Эмпирической базой* являются материалы экспертных и глубинных интервью, проведённых автором на протяжении 2019–2025 гг. в ходе ежегодного мониторинга межэтнической ситуации в республике, осуществляемого Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с ГАУ РС(Я) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия)». Интервью были посвящены в целом межэтническим отношениям в регионе, подавляющее их большинство затрагивало языковую тематику в самых разных контекстах. Экспертами были языковые активисты, чиновники, юристы, предприниматели, активисты общественных организаций.

¹ Там же

² Корнилова Л. Языковая ситуация в Якутии: 43% жителей хорошо владеют якутским языком // Улус Медиа : сайт. 25.11.2025. URL: <https://ulus.media/yazykovaya-situacziya-v-yakutii-43-zhitelej-horoshho-vladeyut-yakutskim-yazykom/> (дата обращения: 20.04.2026).

Всего было проведено 155 интервью и 7 фокус-групп. Большая часть интервью проведена в Якутске, а также в Мирном и Нерюнгри. Подчеркнём, что следующий далее анализ дискурса не подразумевает выявления реальной ситуации с языком саха и её причин, автор рассматривает представления людей, вовлечённых в языковую ситуацию, о её причинах, следствиях, перспективах и решениях.

Результаты.

Восприятие языковой ситуации: динамика дискурса

Анализ интервью за семилетний период позволяет говорить о Якутии как о регионе с динамично развивающейся этноязыковой ситуацией. Ключевым вектором изменений является рост этнического самосознания и языковой активности якутов, что приводит к ряду последствий как внутри этнического сообщества, так и в межнациональных отношениях. Начиная с 1990-х гг. наблюдается устойчивый тренд на повышение значимости якутской идентичности, а массовый приток якутского населения из улусов в Якутск становится одним из главных факторов, меняющих языковой и социальный ландшафт города с русского на двуязычный:

«Раньше там, я помню, в 90-х, сложно было. Иногда как бы стыдно было... на якутском говорить, да, в городе Якутске такое чувствовалось. А сейчас, наоборот, открыто» (жен., 35, журналистка, 2019).

«Люди в селе привыкли общаться только на своём языке, на якутском, и считают, что не знать свой язык – это непорядочно, а люди городские, они тут выросли... и они теряют вот свой язык общения (якутский)... и как-то, мне кажется, может, сами не замечают этого и не могут понять иногда людей из глубинки, которые говорят чисто на якутском языке» (жен., 38, социолог, 2020).

При этом один из центральных и насыщенных элементов дискурса о якутском языке во многих интервью связан с переживаниями ущерба языку. Само существование и развитие такого дискурса становится источником эмоциональной реакции, помимо, а иногда и вопреки, как мы писали выше, реальному положению и функциональности языка. Этнический язык воспринимается не просто как средство общения, а как фундаментальная основа этнической идентичности, и его возможная утрата переживается как личная и культурная трагедия, вызывая широкий спектр эмоций: от тревоги и стыда до гнева и чувства вины, особенно у старшего поколения и языковых активистов [4, с. 464], что ярко видно в следующих фрагментах интервью:

«Катастрофическая вообще тема. Катастрофа. И ребёнок, если он с молоком матери не впитал язык, он же ведь никогда, мне кажется, якутом настоящим не станет» (жен., 65, учитель, 2020).

«...Сказать, что она никого не волнует, я тоже не могу сказать, потому что... это очень страшно – быть как юкагиры. То есть это стать манкуртами, совсем

забыть свои корни абсолютно, свою культуру. Это очень страшно. Никто не хочет. Мы всё равно хотим знать свой язык, хотим, чтобы наши дети знали наш язык...» (жен., 30, художница, 2022).

«И вот то, что мы после себя сейчас оставляем, вот этот культурный пласт, он очень тонкий... это трагедия» (муж., 40, чиновник, 2025).

«...Очень многие переживают из-за того, что знание, владение якутским языком, оно становится всё хуже и хуже из поколения к поколению, да. И старики, они очень сильно этим озабочены» (жен., 35, социолог, 2024).

«Нет языка – можно сказать, культуру мы утратили, да... Мы должны знанием, сохранением своего языка сохранять свою культуру и тем самым обогащать русскую культуру» (муж., 35, предприниматель, 2025).

В целом по нашему опыту проведения исследований в российских республиках (помимо Якутии в Татарстане, Башкортостане, Кабардино-Балкарии) такие катастрофические оценки вполне характерны для республиканских дискурсов, жёстко увязывающих существование этнического языка с существованием собственно народа. Неслучайно тезис «смерть языка – смерть народа» – лейтмотив риторики этнических активистов. Однако отметим ещё один интересный момент: наиболее пессимистичные и эмоциональные высказывания о «потере», «умирании» языка исходят именно из городской, а точнее, столичной среды, именно город становится инкубатором как языкового активизма, так и чувства ущемлённости.

Прежде уже отмечалось [4, с. 465], что среди не вовлечённых в активизм молодых профессионалов отношение к языку отличается прагматизмом и куда меньшей эмоциональностью. Такие люди легче воспринимают исторические изменения языка (в чём-то закономерные), ориентируются на развитие, но при этом не отрицают своей связи с этничностью и видят возможности для языкового роста в рамках действующего законодательства РФ:

«Знаете, глубинный язык умирает, да, однозначно. На его месте появляется суржик. ...Проводится работа по сохранению языка, но дело в том, что язык должен развиваться. Да, мы говорим на протоязыке, да, мы можем законсервировать протоязык, но всё равно мы должны вносить новые слова. Вместо этого мы тратим на ...абсолютно не на то мы тратим силы, как мне кажется. ...На якутском надо уметь читать, надо уметь писать, не более. Как консервация и обозначение того, что это часть моей идентичности, часть моей культуры. Благо, например, мы знаем, как поступили с индейцами англосаксы, какое там было уничтожение их. И как у нас здесь – это небо и земля» (муж., 30, предприниматель, 2022).

Отметим важный феномен, касающийся перспектив языка: люди, не владеющие языком (особенно имеющие якутскую внешность), регулярно говорят о критике и давлении в свой адрес, из-за чего могут испытывать чувства дискомфорта, ущербности и стыда, о чём свидетельствуют фрагменты интервью:

«Если меня спрашивают: ты на якутском не говоришь? Я говорю: “Да”. И обычно сразу идёт какой-то налёт... не презрения, не пренебрежения, а агрессии: ПОЧЕМУ ты не говоришь на якутском?! Что с тобой не так?!» (жен., 28, менеджер, 2020).

«На работе... был момент тоже, когда бабульки говорили мне то, что "на лицо якутка, а говоришь по-русски. Это что такое, стыдоба" и так далее. Вот это мне безумно не нравится...» (Фокус-группа 1, 2022).¹

«У нас бывшая верховная судья... вдруг она... решила в этом году в нашем собрании государственном выступить на якутском языке. ...У нас время от времени бывает выступают на якутском языке, те, кто не владеет. И это всё высмеивается. Жёстко высмеивается. Я смотрела там комментарии, это просто...» (жен., 35, юрист, 2022).

«...Я, допустим, сам по себе, если раньше я тоже думал, что я не знаю якутского, я чувствовал себя как-то неполноценным» (муж., 32, предприниматель, 2024).

«И когда вот, если общаешься, что видишь очень много людей говорят на якутском, и я чувствую свою ущербность, потому что я не могу выразить свои внутренние мысли на чистом якутском языке, или там какие-то пожелания сказать» (жен., 35, творческая специальность, 2025).

«При моих попытках говорить на якутском языке очень часто люди резко обращают внимание на наличие акцента, и как-то или подшучивают над этим, или чувствуется определённая неловкость» (муж., 30, чиновник, 2025).

Такая стигматизация саха, не владеющих или плохо владеющих якутским языком, связанная с высокой символической ролью языка в этнической идентичности, прослеживается и в нашем корпусе интервью:

«Если человек не знает своего языка, я считаю, что это ущербный человек. Потому что... если человек не знает своего языка, как он может себя уважать?» (муж., 65, режиссер, 2024).

«...Люди начали с детства разговаривать на русском языке и не знают своего родного. Когда они выросли, они начинают страдать от этого. А когда они начинают на ломаном якутском языке разговаривать, то остальные якуты – они смеются над ними» (жен., 45, работник сферы культуры, 2024).

«Обнаружилась куча манкуртов... У них внезапно... просыпается чувство самосознания. Они резко захотели говорить на родном языке... И оказывается, то, что они хотят на ломаном родном говорить, это вызывает какие-то насмешки, какие-то проблемы... И вот тут возникают какие-то там движения типа чуть ли, знаете, не заики за заикание... те, которые на ломаном якутском разговаривают – за якутский язык» (муж., 70, творческая специальность, 2025).

Как правило, такие проявления касаются тех, кого внешне воспринимают как саха, однако и русским якутянам приходилось слышать требование говорить по-якутски, о чём свидетельствует следующий фрагмент:

«Приходят пациенты и говорят принципиально на якутском, как будто вы должны. Да, да, да. Вы живёте... Вот особенно 70+, женщины приходят и говорят: вы живёте в Якутске, вы должны знать якутский язык» (жен., 30, врач, 2023).

¹ В фокус-группе участвовали: жен., 27, менеджер; муж., 48, активист общественной организации; муж., 56, ученый; жен., 29, чиновница; муж., 23, активист общественной организации; жен., 35, предпринимательница; муж., 39, юрист.

Такие высказывания можно трактовать как претензию на символическое владение пространством («наша земля»), однако это предмет другого исследования, который любопытен в контексте этнической идентичности и трансформации этнического состава столицы региона.

Одним из важных документов в 1990-е гг., стимулировавших рост этнической идентичности среди саха, была так называемая Национальная концепция, внедрявшая якутский язык и культуру в школьное образование. Её влияние было настолько существенным, что одна из наших информанток назвала людей, выросших в период действия Национальной концепции (приблизительно до начала 2000-х гг.) «детьми концепции», то есть с высоким уровнем этнического самосознания и выраженной ориентацией на этничность в разных сферах жизни. Изучаемый автором дискурс отчётливо фиксирует разрыв между этим поколением, выросшим в эпоху национального подъёма 1990-х гг., и современной молодёжью:

«Все замечают, конечно, что языка становится меньше. В деревнях все говорят: хорошо было, когда была концепция. Мы, общественники, естественно, тоже отмечаем, и многие говорят, что хорошо было бы... Но это, в основном, возраст от 26 и выше. ...У нас есть молодые родители в нашем детском саду. Но они пришли именно в национальный детский сад, и они хотят, чтобы их дети обучались и воспитывались на языке. Но при этом они ничего не делают. Они сами разговаривают на русском языке со своими детьми. А молодёжь, они же не знают про концепцию. А те, кто знает, кто учился во время концепции, все говорят, что нужно было бы вернуть концепцию» (жен., 36, языковая активистка, 2019).

«Мои дети, например. Хотя я чистый конкретный саха, и я учился на саха факультете... но мои дети, к сожалению, не говорят на якутском языке» (муж., 40, журналист, 2021).

«Дети вообще у них поколение Z – новые. Они вот, допустим, у детей своих спрашиваю: “Он русский?”. Они не знают. “Не знаю”, – говорят. Совсем другие они...» (жен., 43, предпринимательница, 2024).

Мнения о Национальной концепции 1990-х гг. разделились. Одни считают, что она спасла язык и вырастила поколение с высоким самосознанием. Другие указывают на то, что она привела к проседанию знания русского языка и, как следствие, к трудностям у выпускников при поступлении в федеральные вузы:

«...В 90-х годах национальная школьная концепция вырастила ребят, которые ни читать, ни писать по-русски грамотно не могут. И эти ребята чувствовали себя очень ущемлено... Конечно, этим ребятам и сейчас трудно приходится» (жен., 65, писательница, 2019).

«...ребята из районов... сказали, что самая первая трудность – это трудности с (русским) языком. Мы не могли отвечать хорошо на вопросы преподавателей, участвовать в дискуссиях, у нас были низкие относительно баллы, потому что мы не успевали за преподавателями, не успевали воспринимать материал, который был» (жен., 40, учёный, 2019).

Такие мнения относительно редки и чаще высказываются информантами, имеющими отношение к работе в промышленности, обучению

на промышленные специальности, где необходимо хорошее знание русского языка и следование ритму производства, который не принимает во внимание особенности этнически ориентированного образа жизни, подразумевающего в случае саха обязательное участие в охоте, покосах и т. д.:

«Я приглашаю этого молодого человека (саха), и, как правило, случается такая история. Он пришёл и сидит замкнутый, я потом пытаюсь людям вложить, что, если вы собираетесь работать в производстве, в коллективе, а не быть индивидуальным частным предпринимателем, для вас это необходимо. ...Если человек всю жизнь собирается работать в сельской школе, возможно, ему не нужен русский язык на таком уровне. Если он хочет работать на производстве, наверное, ему русский язык очень важен» (жен., 40, работник промышленного производства, 2019).

Чем ближе к настоящему моменту, тем чаще в интервью встречаются свидетельства, что в коммуникационном пространстве влияние цифровизации ведёт к усилению доминирования русского языка. В результате даже в сёлах, фактически моноэтнических якутских, дети всё чаще вырастают русскоязычными:

«Я привёл в пример своего племянника... у них сын русскоговорящий. Потом поступают сигналы из деревень... дети вырастают русскоязычными. Почему? Мы же двуязычные, в принципе, понимаем. Но когда человека формирует среда, ютуб весь этот всё формирует... Я работаю в газете, сахаязычной... у нас разрыв поколений сейчас произошёл, мы где-то сорокалетние, замену наших надо будет поискать. Нету. Ну, хорошо литературным языком владеющих» (муж., 50, журналист, 2022).

Экспертные интервью позволяют выявить широкий спектр причин «умирания» языка в представлениях информантов. Ответственность традиционно возлагают на власти как федеральные, так и региональные, критикуя новое законодательство, стандартизирующее образование по стране, а также недостаточное финансирование и отсутствие чёткой и активной политики со стороны республиканских властей:

«Из-за стандартизированного образования произошло так. Обучение на якутском языке – это такая симуляция бурной деятельности... ВПР на русском языке, так что с третьего класса мы полностью переходим на русский язык. Это нарушение моих прав» (муж., 37, историк, 2021).

«Совет по языку и политике есть у нас республиканский, но он ничего не делает. В этом году финансировали развитие якутского языка – 52 млн руб., а сейчас торговый центр стоит 100 млн руб. Такое отношение к языку – это мизерные деньги» (Фокус-группа 2, 2021)¹.

Существенный пласт причин языковой проблемы информанты относят к дошкольному и школьному образованию, включая лингвистов, указывают на неэффективность существующих методов преподавания якутского языка,

¹ В фокус-группе принимали участие: муж., 58, активист общественной организации; жен., 21, студентка; жен., 44, менеджер; муж., 42, предприниматель; муж., 38, активист общественной организации; муж., 32, программист.

что усугубляет проблему сужения его функционирования. Преподавание часто сводится к формальному изучению правил, а не к развитию живого общения:

«...Язык не должен преподаваться как культура, он должен преподаваться нормально, как язык... Как английский преподаётся... Насколько мне известно, якутский язык так не преподаётся... Нормальной методике нет» (жен., 30, художница, 2022).

«...Сколько я курсов прошла, это вообще всё не работает» (жен., 40, юрист, 2022).

«Они работают по старинке, в библиотеке... а медийного контента крайне мало... Вы цифровой контент делаете, чтобы детям было интересно? ...И стратегии в целом нет» (муж., 45, социолог, 2025).

Особо подчёркивается проблема отсутствия непрерывной языковой среды с раннего детства, что делает задачу сохранения языка для семьи сложной или даже практически невыполнимой. В ситуации нарушения такой преемственности образования эксперты по языковой теме видят корень проблемы прежде всего в отсутствии/недостатке дошкольных учреждений с якутским языком воспитания:

«Дело же не только в школьном образовании. Единичные классы в школе, они не решают эту проблему. Должна быть языковая среда. Вообще создание среды, оно же идёт, если мы говорим про образование и воспитание, оно идёт с раннего возраста. У нас не хватает групп в детских садах, которые вели бы воспитательную работу на якутском. Потому что доказано, если ребёнок очутился полностью в русскоязычной среде в младшем возрасте, и он переключается сразу на русскую среду и становится абсолютно русскоязычным, то в школе ему стать носителем якутского языка уже практически невозможно. Это уже доказано исследованиями» (муж., 45, языковой активист, 2022).

Фактическая ситуация с восполнением школьных мест в городе Якутске, по оценке опрошенных экспертов из сферы образования и управления образованием, скорее свидетельствует о том, что запросы населения на обучение на языке саха удовлетворены по меньшей мере, если речь идёт о начальной школе. Выраженная реакция ущемления в языковом плане по сути является эмоциональным ответом, мотивированным опасениями утраты этнической идентичности:

«Да, это точно, может, и есть такие родители, которые хотят (учить детей на якутском – прим. авт.), и они говорят – “мы ищем классы”. Но кто против? Всё написано, территория закреплена, ты спокойно можешь найти класс с якутским языком. Это какие-то остатки того, может быть... остатки общего настроения, что всё равно где-то меня обидят, оно у национальностей, которые небольшие, как мы, оно всегда будет (муж., 45, языковой активист, 2022).

Существенными факторами, наносящими ущерб языку, становятся, по мнению участвовавших в опросе, растущая урбанизация в регионе и цифровизация коммуникативного пространства, в результате чего доминирующий в городской и образовательной среде русский язык всё больше влияет на языковые компетенции людей:

«В интернете сейчас по-якутски найди что-нибудь. А они на весь мир выходят наши дети уже по интернету...» (жен., 40, юрист, 2023).

«Очень плохая тенденция, что в деревнях... сейчас пошли (дети), которые якутский не знают, даже в деревнях... из-за того, что они сидят всё время перед телевизором, там какие-то компьютерные игры, всё на русском» (муж., 55, 2024).

«Мы дома разговариваем на якутском языке... а дочка не понимает. Она, живя среди якутоговорящих людей, не понимает... Вот настолько сильна русская культура... Вмешивается прям в семейную ячейку и забирает одного из нас» (жен., 38, менеджер, 2024).

В столице, даже при большинстве якутского населения, формируется упрощённая смешанная языковая среда:

«...В университете отмечают, что приходят они (недавние сельские дети) в аудиторию... и там некое подобие суржика, русско-якутский... русский язык у них очень примитивный, постоянно якутизмами сыпят... очень вульгарный суржик получается» (муж., 45, социолог, 2025).

Существенный момент, о котором часто говорят – прагматический выбор родителей в пользу русского как языка образования детей, а также языка семейного общения. Русский воспринимается как инструмент, открывающий возможности, без которого невозможны образование, карьера и «выход в большой мир».

«У меня была своя личная дилемма: либо мои дети будут знать якутский язык, но этот язык им будет даваться плохо. Они пройдут через какой-то психологический дискомфорт, у них будет какой-то душевный надрыв. Я этого не хочу. Пускай лучше они не знают якутского языка, но при этом они растут здоровыми психологически людьми, которые в совершенстве будут владеть хотя бы одним языком, ну или потом в старших классах они по выбору будут учить иностранный» (жен., 35, журналистка, 2019).

«Мои родители отдали меня в русскую школу, и я понимаю, почему они это сделали. Они хотели, чтобы у меня было больше возможностей» (муж., 35, предприниматель, 2023).

«Я, наоборот, страдала почему-то, что плохо по-русски говорю. Это предмет выбора, это моё личное мнение. Не обязательно якутский язык. Знаешь – это хорошо в каких-то случаях... Но в основном, русский всё равно» (жен., 40, чиновник, 2023).

«Оба языка я называю родными... На русском мне легче изъясняться, думать на русском, формулировать мысли» (муж., 37, предприниматель, 2024).

«А насчёт ценностного, лично для меня, мне кажется, это важнее, потому что русский язык даёт доступ к огромному пласту культуры. Просто огромному пласту культуры... мне кажется, русский язык, как и английский язык, если правильно к нему подходить, они же дают ключики в целом к пониманию культурного кода мирового со временем» (жен., 45, учёный, 2024).

Выше уже отмечалось [4, с. 469], что при обсуждении того, как решать сложившиеся проблемы, в среде информантов отчётливо выделяются две основные позиции: «всё зависит от нас» и «ничего не зависит от нас, всё это внешнее давление и обстоятельства». Обратим внимание, что при анализе динамики

в интервью 2023–2025 гг. отчётливо прослеживается сдвиг от пассивной констатации проблем и поиска виноватых к активному поиску путей решения и формированию новых нарративов. Одним из признаков динамики дискурса от угрозы языку к прагматическому поиску решений, на наш взгляд, является всё большее число свидетельств усиления интереса к изучению якутского языка у не владеющих им городских якутов. Сами информанты объясняют это чаще всего просыпающимся или усиливающимся интересом к своему происхождению, этнической идентичности:

«Я за последнее время вижу, что многие мои русскоязычные друзья, у которых дети не говорят по-якутски, они начинают задумываться об этом и даже записывают их на какие-то курсы... То есть интерес есть» (жен, 45, журналистка, 2023).

Появляются новые идеи и инициативы снизу, информанты предлагают конкретные шаги, выходящие за рамки требований к государству: создание современного контента (кино, IT, соцсети), использование новых технологий:

«Начали переводить на якутский язык все мультики, начали вот эти уроки якутского языка... хорошие такие эти делать. Но, мне кажется, вот это пора, действительно пора вот это делать» (жен., 45, управленец, 2024).

«Также я бы предлагал нашим айтишникам все тиктоки, все социальные сети... выпускать больше контента якутского, чтобы подростки, молодёжь могла смотреть где-то на родном языке» (муж., 70, творческая специальность, 2025).

«Очень много таких, как сказать, мини-проектов – приложения кто-то делает, кто-то там языковой лагерь открыл» (муж., 35, предприниматель, 2025).

Ещё один аргумент: всё чаще звучит мысль, что сохранение языка это, в первую очередь, задача семьи, а не школы. Акцентируется необходимость менять отношение к языку в самих семьях, в целом в обществе, показывать его ценность и престиж, создавать моду на якутский язык:

«Это проблемы на самом деле не государства, это проблемы родителей. Но надо же кого-то обвинить! Да! Надо обвинить государство» (муж., 60, активист общественной организации, 2022).

«В идеале, я бы видела это так, что человек, по мере взросления, он в семье своей разговаривает на родном языке. А школа, она как бы многонациональная, я считаю, что это правильно. Ну, в семье, чтобы язык поддерживался в первую очередь» (жен., 37, активистка общественной организации, 2024).

«Будет ребёнок владеть якутским языком или нет, зависит всё-таки не от того, какой он детский сад посещает, а от того, как говорят дома... Если родители с ребёнком разговаривают на якутском языке, то он будет знать свой родной язык» (жен., 45, предпринимательница, 2024).

Выводы

Итак, проведённый анализ динамики восприятия языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) в период с 2019 по 2025 год позволяет зафиксировать существенную трансформацию общественного дискурса. Исходная точка

этого движения – доминирование эмоционально окрашенных нарративов «катастрофы», «утраты», связанных с переживанием угрозы исчезновения якутского языка. Эти настроения подогревались объективными процессами урбанизации и цифровизации, которые по оценкам информантов ведут к функциональному сужению сфер использования языка, разрыву межпоколенческой передачи и формированию группы «эритажников», для которых язык остаётся символом идентичности, но не реальным инструментом коммуникации. Ключевым противоречием стало расхождение между высокой символической ролью языка как главного маркера этничности и его реальным функционированием, что порождает внутреннюю напряжённость и даже стигматизацию не владеющих языком саха.

Однако, как показывают материалы экспертных интервью последних лет, дискурс претерпевает качественные изменения. На смену пассивной констатации проблем и поиску внешних причин (федеральная политика, образование, цифровая среда) приходит более зрелый и прагматичный запрос на поиск решений. Ключевым в этой трансформации выступает осознание того, что сохранение языка это, в первую очередь, задача семьи и личная ответственность человека, считающего это необходимым, а не только государства. Такой сдвиг от «внешнего» к «внутреннему» локусу контроля открывает пространство для новых инициатив и снижает уровень фрустрации в обществе.

Важнейшим фактором, меняющим тональность дискурса, на наш взгляд, стало появление позитивных примеров и институциональных механизмов, вписывающих якутский язык в современный контекст. Развитие креативных индустрий и их государственная поддержка создают принципиально иную мотивацию для изучения языка, особенно среди молодёжи. Язык перестаёт восприниматься исключительно как «объект сохранения» или «музейный экспонат» и начинает функционировать как ресурс самореализации и экономического роста, формируя привлекательный образ будущего, в котором этничность вполне органично сочетается с современностью и успехом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Е. М. Этничность и региональность в Республике Саха (Якутия): значимость и содержание идентичностей в условиях внешнего давления // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16, № 1. С. 13–29. DOI [10.19181/vis.2025.16.1.3](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.1.3). EDN [OEXSDX](https://www.edn.ru/0EXSDX).
2. Биткеева А. Н., Иванова Н. И., Ядреев И. В. Динамика развития федерального и регионального языкового законодательства в РФ: опыт Республики Саха (Якутия) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 4 (38). С. 9–26. DOI [10.23951/2307-6119-2022-4-9-26](https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-4-9-26). EDN [XVITX](https://www.edn.ru/XVITX).
3. Истомина О. Б., Томских Е. О. Номо loguens и процессы этнической идентификации // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. № 2. С. 12–19. DOI [10.18101/1994-0866-2019-2-12-19](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-2-12-19). EDN [QGVOIF](https://www.edn.ru/QGVOIF).
4. Стефаненко Т. Г. Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие // Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и меж-

- конфессионального взаимодействия / Под ред. М. Ю. Мартыновой, В. А. Тишкова, Н. М. Лебедевой. М. : Изд-во РУДН, 2003. С. 367–399.
5. Сикевич З. В. Социология и психология этнических отношений: учебное пособие для вузов / З. В. Сикевич ; 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Лань, 2023. 280 с. ISBN 978-5-507-46671-9.
  6. Биллиг М. Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49). С. 60–86. EDN [XHKQWD](#).
  7. Замятин К. Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) Сохранение языков России, языковая политика и языковая ревитализация // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18, № 3. С. 137–149. DOI [10.17072/2218-1067-2024-3-137-149](#). EDN [ROSKGC](#).
  8. Арутюнова Е. М. Город как фактор: языковая ситуация и восприятие проблематики этнических языков в Республике Саха (Якутия) // Историческая этнология. 2024. Т. 9, № 3. С. 458–473. DOI [10.22378/2024-9-3-458-473](#). EDN [HHJQRE](#).
  9. Данилова Р. А. Молодёжь Саха (Якуты) в условиях языкового сдвига // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 178–193. DOI [10.37892/2713-2951-4-24-178-193](#). EDN [MSLSNO](#).
  10. Васильева Р. И. Функционирование якутско-русского билингвизма в современном коммуникативном пространстве промышленных районов Республики Саха (Якутия) (на материале полевого исследования) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 3. С. 79–88. DOI [10.18101/2686-7095-2023-3-79-88](#). EDN [CMHVBE](#).
  11. Жарова Е. В. Эритажные говорящие как особая категория изучающих русский язык как иностранный // Современное педагогическое образование. 2023. № 1. С. 127–131. DOI [10.24412/2587-8328-2023-1-127-131](#). EDN [XFBENS](#).

Сведения об авторе

Е. М. Арутюнова

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [7997-7109](#)

Статья поступила в редакцию 31.03.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.2.7](#)

PERCEPTION OF LANGUAGE ISSUES DYNAMICS IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA): FROM THE “CATASTROPHE” DISCOURSE TO THE SOLUTIONS SEARCHING

Ekaterina Mikhailovna Arutyunova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia

981504@mail.ru,

ORCID [0000-0002-9002-1491](#)

For citation: Arutyunova E. M. Perception of language issues dynamics in the Republic of Sakha (Yakutia): from the “catastrophe” discourse to the solutions searching. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):129–145. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.2.7).

Abstract. Based on an analysis of in-depth and expert interviews conducted by the author in the Republic of Sakha (Yakutia) between 2019 and 2025, this article examines the dynamics of public perception regarding the language situation. Special attention is paid to the transformation of discourse surrounding the state of the Yakut language in the context of federal language policy, urbanization, and digitalization. The author analyzes the linguistic theme in the context of ethnocultural identity, in which the ethnic language is not only an attribute of the people, but also has a great symbolic meaning for people, distinguishing between “us” and “they”. It is shown that during the period under study, the perception evolves: from a dominance of emotional narratives of “catastrophe” and “dying” of the language toward a more pragmatic and action-oriented approach. The ethnic language is perceived as a fundamental foundation of ethnic identity, and its possible loss is experienced as a personal and cultural tragedy. This gives rise to stigmatization of Sakha who do not speak their native language and can create internal tension within the community. The study reveals that informants identify the following key reasons for concern: the disruption of intergenerational language transmission due to urbanization; the dominance of the Russian language in the digital environment, education, and career prospects; a shortage of accessible Yakut-language groups and classes in cities; and the ineffectiveness of existing teaching methods. At the same time, the article concludes that in recent years the discourse has shifted from passively seeking external culprits toward an awareness of personal and family responsibility for language preservation. This shift is accompanied by a growth in grassroots initiatives (creation of modern content, language applications) and an increased role of creative industries, which shape a positive vision of the future in which the Yakut language serves as a resource for self-realization rather than merely an object of preservation.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), ethnic language, ethnic identity, discourse, language situation, language policy, sociology of language, language and society

REFERENCES

1. Arutyunova E. M. Ethnicity and regionality in the Republic of Sakha (Yakutia): the significance and content of identities under external pressure. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sociologii*. 2025;16(1):13–29. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2025.16.1.3](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.1.3).
2. Bitkeeva A. N., Ivanova N. I., Yadreev I. V. The dynamics of the development of federal and regional language legislation in the Russian Federation: the experience of the Republic of Sakha (Yakutia). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology=Tomskij zhurnal lingvistiki i antropologii*. 2022;4(38):9–26. (In Russ.). DOI [10.23951/2307-6119-2022-4-9-26](https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-4-9-26).
3. Istomina O. B., Tomskih E. O. Homo loquens and ethnic identification processes. *BSU bulletin. Philosophy=Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 2019;(2):12–19. (In Russ.). DOI [10.18101/1994-0866-2019-2-12-19](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-2-12-19).
4. Stefanenko T. G. Language, ethnic identity and interethnic interaction [Yazyk, e'tnicheskaya identichnost' i mezhe'tnicheskoe vzaimodejstvie]. In: Intercultural dialogue: lectures on problems of interethnic and interfaith interaction. M. Y. Martynova, V. A. Tishkov, N. M. Lebedeva, eds. Moscow: Izd-vo RUDN; 2003. P. 367–399. (In Russ.).

5. Sikevich Z. V. Sociology and psychology of ethnic relations: a textbook for students. 2nd ed. Saint Petersburg: Lan'; 2023. 280 p. ISBN 978-5-507-46671-9.
6. Billig M. Nations and languages. [Natsii i yazyki]. *Logos*. 2005;(4):60–86. (In Russ.).
7. Zamyatin K. Y. Why can't we preserve linguistic diversity? The maintenance of the languages of Russia, language policy and language revitalization. *Bulletin of Perm University. Political Science=Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2024;18(3):137–149. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-1067-2024-3-137-149](https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-3-137-149).
8. Arutyunova E. M. The city as a factor: the linguistic situation and perception of the problems of ethnic languages in the Republic of Sakha (Yakutia). *Historical Ethnology=Istoricheskaya etnologiya*. 2024;9(3):458–473. (In Russ.). DOI [10.22378/2024-9-3-458-473](https://doi.org/10.22378/2024-9-3-458-473).
9. Danilova R. A. Youth of Sakha (Yakuts) in conditions of language shift. *Sociolinguistics=Sociolingvistika*. 2025;(4):178–193. (In Russ.). DOI [10.37892/2713-2951-4-24-178-193](https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-178-193).
10. Vasilyeva R. I. Functioning of Yakut-Russian bilingualism in the modern communication space of industrial areas of the Republic of Sakha (Yakutia). *Bulletin of Buryat State University. Philology=Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2023;(3):79–88 (In Russ.). DOI [10.18101/2686-7095-2023-3-79-88](https://doi.org/10.18101/2686-7095-2023-3-79-88).
11. Zharova E. V. Heritage speakers as a special category of learners of Russian as a foreign language. *Modern Pedagogical Education=Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2023;(1):127–131. (In Russ.). DOI [10.24412/2587-8328-2023-1-127-131](https://doi.org/10.24412/2587-8328-2023-1-127-131).

Information about the Author

E. M. Arutyunova

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [J-1130-2018](https://orcid.org/0009-0001-1130-2018)

The article was submitted 31.03.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 26.05.2026.